

ИСТОКИ ВДОХНОВЕНИЯ

М. РОММ,
народный артист СССР

лия, спит на полу, укрытый чужим плащом, когда он, загримированный, идет в Смольный. Эти живые, яркие сцены давали материал для понимания Ленина как человека. С первых же кадров (Ленин на паровозе) Щукин начал поиски ленинского юмора, ленинской и непосредственности, живого темперамента, а главное, ясного, простого человеческого общения с каждым собеседником, без какого бы то ни было ощущения собственного превосходства. В поисках этих черт характера Ильича Щукин был последовательным. Потом, через много лет, когда я вспоминал эту сторону работы Щукина над образом вождя, мне невольно пришел на память характерный пример принципиально иного подхода к решению похожей актерской задачи.

НА «МОСФИЛЬМЕ» начались съемки картины «Сталинградская битва», где превосходный актер — А. Дикий играл роль Сталина. И вот что мы увидели на экране в первом же эпизоде. Сталин стоит, слегка опершись рукой на стол, небрежно спокойный, холодно-величественный, и, не оборачиваясь, говорит о чем-то своему собеседнику. Я спросил артиста: «Почему вы говорите, не глядя на собеседника, почему вы так высокомерны, что даже не интересуетесь мнением того, с кем разговариваете?»

Дикий ответил мне следующее: «Я играю не человека, а гранитный монумент, он рассчитан на века. В памятнике нет места для улыбочек и прочей бытовой шелухи. Это — памятник...»

А для Щукина любой «пьедале» был совершенно неприемлем. В этом основное зерно щукинского подхода к образу Ленина. Работая над ним, Щукин всюду, где только мог, выискивал все ленинское, особенное, ни на кого не похожее... Помню, как он штудировал речи Ленина, особенно его записочки, стараясь восстановить по обороту фраз характерные для Ленина интонационные ходы. Сейчас, глядя на ленинские записки, я уже не могу не слышать их, но, по правде говоря, я слышу именно так, как прочитал бы их Щукин. Он с поразительной интуицией переводил (другое слово не подыщешь) ленинское написание в живую характерную речь.

С самого начала ему очень хотелось узнать, как смеялся Ленин. Но восстановить характер ленинского смеха было очень трудно. Мы пригласили на студию старого коммуниста Д. З. Мануильского, которого Ленин часто сам просил: «Покажите мне меня!» Мануильский прекрасно «показывал» Ленина. Ильич смотрел и хохотал от души... Мануильский рассказал нам, что у Ленина было множество оттенков смеха: был и язвительный смех, и иронический хохоток, и добродушный, и детски-непосредственный. Когда Ленин заливался смехом, то не мог остановиться, слезы так и катились у него из глаз. Но показать, как смеется Ленин, Мануильский не мог — он все-таки не был актером...

Тогда мы попросили изобразить некоторые ленинские позы и жесты. Одну из этих поз, о которой и Горький писал, и нам рассказывала Надежда Константиновна — большие пальцы обеих рук заложены за пройма жилета, и при этом Ленин жестиком кулаками и ладонями, — мы, после долгих споров и раздумий, показать все же не решились. Оставили только как «примету» Ленина, упоминаемую в разговоре меньшевиков с эсерами.

И все же Щукин добился многого в поисках ленинской характеристики — своеобразия, живости и непосредственности облика Ильича. Кто себе позволит во время важного заседания сесть на ступеньки трибуны и писать? А кинокамера донесла до нас Ленина, сидящего таким образом на конгрессе Коминтерна. Именно такого живого Ленина, то гневного, то доброго, железноупорного и поразительно мягкого, гениально прозорливого и никогда не думающего о себе, отдающего своему делу и людям, и жизни, и скорби, и радости всего себя, — такого Ленина смог постичь и во многом изобразить Щукин. Ему удалось это больше, чем другим исполнителям, потому что он больше взял от Ленина и потому больше отдал всем нам.

Надежда Константиновна Крупская была против постановки картины «Ленин в Октябре». До выхода ее в свет она не захотела встречаться ни со мной, ни с Каплером, ни со Щукиным. Но потом, когда мы с ней познакомились ближе, она очень много ценного рассказала нам о чертах характера Владимира Ильича. Щукин с жадностью прислушивался к этим рассказам. Это помогло ему в работе над вторым фильмом об Ильиче — «Ленин в 1918 году».

Можно было бы многое еще рассказать читателям «Ленинградской правды» о том, как работал над образом Ленина Б. В. Щукин, как он благоговейно относился к этой большой задаче, как он создавал неповторимую творческую атмосферу во время съемок. Но мне хотелось сказать о главном.

Борис Васильевич Щукин создал талантливейшие образы на театральной сцене. Но народ навсегда запомнит его как первого создателя образа Ленина в советском киноискусстве.

МНЕ довелось в течение многих месяцев работать рядом с великим актером нашего времени Борисом Васильевичем Щукиным. Наблюдать за тем, как он вдохновенно решал титаническую — и в художественном, и в гражданском смысле — задачу создания образа Владимира Ильича Ленина.

Ленин, созданный Щукиным, завоевал всенародную любовь. Нынешнее поколение зрителей уже не может отделить образ, созданный артистом, от образа самого Владимира Ильича, даже голос Щукина считается ленинским голосом...

Как же работал над образом Ленина Б. В. Щукин? В чем «щукинский секрет»? В том, что он был первым исполнителем роли Ильича? Нет, далеко совсем не в этом. Было что-то такое в игре Щукина, что сразу покорило и убедило миллионы людей, видевших фильм «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году».

Со времени появления на экране фильма «Ленин в Октябре» прошло более четверти века. И сейчас как-то ярче актерский подвиг Щукина.

В чем должен видеть свою главную задачу актер, играющий на сцене или в кино Ленина? Быть похожим на Ильича? Да, в какой-то степени именно так, но главное ли это? И что важнее: еще раз подчеркнуть величие Ленина или заставить зрителя полюбить его как «самого зрелищного человека»? На все эти сложнейшие вопросы и должен был ответить Щукин.

Я получил задание снимать картину «Ленин в Октябре» совершенно неожиданно. Сценарий мне вручили в конце мая 1937 года с тем, чтобы к 7 ноября картина была на экране. Сроки фантастические! На саму съемку, по существу, оставалось не более трех месяцев.

Первое, что сразу же надо было решить, — кому играть Ленина. Тут и у меня, и у автора сценария, драматурга А. Каплера, никаких колебаний не было. Я хорошо помнил, как на одной из репетиций «Егора Булычова» в Театре им. Вахтангова М. Горький сказал Щукину: «А вы могли бы сыграть Ленина». Кинорежиссер С. Юткевич тоже собирался снимать в своем фильме в роли Ленина Щукина. Из всех актеров, каких я знал, Щукин более всего подходил к этой ответственной роли — и по своей конституции, и по чисто человеческому обаянию, которое было так важно при воплощении образа Ленина, и по силе таланта, по артистичности, которая чувствовалась в каждом движении артиста, и, наконец, по огромному уму, светившемуся в его глазах.

Я помнил опыт, который был в этом смысле в кино раньше. Опыт довольно печальный. Мой учитель С. М. Эйзенштейн, снимавший в 1927 году фильм «Октябрь», пригласил на роль Ленина уральского рабочего Никандрова, обладавшего феноменальным сходством с Ильичем. Но это было сходство — и только. И хотя Никандрову приходилось лишь копировать ленинские жесты —

ния посчастливилось: я видел и слышал Ильича дважды — в 1920 году на рабоче-красноармейской конференции в одном из районов Москвы и через год в Колонном зале Дома союзов. В фойе Дома союзов я продал в киоске книги, и когда к киоску подошел Ленин, чтобы выбрать книгу, и спросил меня, кто я такой, почему здесь торгую, я честно сказал Владимиру Ильичу, что пошел работать из-за пайка. Помню, как неодобрительно он на меня посмотрел: «Нехорошо, тут литература, святое дело, а ты торгуешь из-за пайка...»

Быстро отошел он от моего киоска, и я слышал, как он сказал своему собеседнику (кажется, это был Бонч-Бруевич), что надо наладить книжную торговлю. Мне стало стыдно, и на завтра я уже на работу не пошел...

Особенно запомнилась мне первая встреча с Ильичем. Ленин появился на сцене как-то неожиданно, прошел вдоль края подмостков, посмотрел в зал очень внимательно, как будто каждому заглянул в глаза, и обратился к выступавшему оратору, который хотел уступить ему место: «Нет, зачем же? Вы начали, вы и продолжайте. А мы вас послушаем...». В зале раздался дружный смех. А потом Ленин заговорил просто, ясно... Навероятно была сила обаяния личности Ленина, стремительного и точного хода ленинской мысли.

ПРОШЛО много лет. Работая со Щукиным над образом Ленина, я вспомнил и эту встречу, и слова Горького, как бы переключившись с моими воспоминаниями о прямоте и силе ленинской речи.

Задолго до начала съемок Борис Васильевич начал изучать пластинки с записями голоса Владимира Ильича, фотографии, рисунки, воспоминания о Ленине. Пластинки были наговорены давно, голос записан плохо, на несовершенном материале, тон был значительно выше истинного... Такие записи давали, на мой взгляд, очень слабое представление о ленинской речи. Щукин имитировал эти пластинки превосходно. Однако для воспроизведения голоса Ильича требовалось такое напряжение, что это сразу ухудшило бы актерскую работу, уменьшило степень ее выразительности. И мы решительно отказались от скрупулезного подражания тембру ленинского голоса.

Внешне Щукин меня сначала разочаровал: на Ленина он походил очень мало. Но Щукин — актер великолепной вахтанговской школы, и для него вполне органичным был путь к высокому через обыденное и даже смешное. Одновременные поиски остроты внешней характерности при постижении всей глубины характера — вот что, думаю, мне, было основным актерским оружием Щукина. В эпизодах большого эмоционального накала, таких, как речь Ленина на заводе Михельсона, или взрыв гнева после прочтения письма Камсенева в Зиновьева в «Новой жизни», или спор с кулаками, или телефонный звонок Дзержинскому, — во всех узловых эпизодах горение мыслей в чувств актера почти целиком снимает внешний прием. Характерность отходит на задний план, но рисунок образа не нарушается, а, наоборот, поднимается на еще более высокую ступень.

Горький как-то сказал в беседе с Ромэн Ролланом (мне довелось быть свидетелем интереснейшей встречи): «Вот что я твердо знаю: кого бы я ни писал, хотя бы величайшего человека эпохи, я должен найти в нем особенные черты, подглядев которые, я заставляю читателя внутренне улыбнуться...»

Когда я передал Щукину горьковские слова, он очень обрадовался и спросил меня: позволю ли я ему так сыграть Ленина, чтобы в некоторых эпизодах, в том числе и при первом его появлении, вызвать у зрителя улыбку, а может быть, даже смех. И тут-то я и сказал Щукину, что мое первое знакомство с Лениным началось со смеха.

В тот день мы как бы нащупали первую ступенечку общего понимания актерской задачи.

Я полностью доверился Щукину. Через все эпизоды фильма он пронес сквозную линию образа: Ленин с его железной волей вел партию к Октябрьскому восстанию, был погружен в титаническую работу, добиваясь торжества главного дела своей жизни. Эту сквозную линию Щукин искал в каждом кадре. Но где найти то обаяние, которое заставляло бы зрителя не только преклоняться перед гением великого человека, но и полюбить его всей душой? Полюбить как человека правящего, близкого, в чем-то тебе равного. Если человек бесконечно выше тебя, ты можешь на него молиться, как на бога, обожать его, но не любить. А мы хотели, чтобы образ Ильича на экране вызвал всенародную любовь. Это вопрос принципиальный, решающий.

Поэтому Щукин прямо-таки с жадностью ухватился за эпизоды, когда Ленин приходит на квартиру Васи-

Ленинградская правда, 1964, 19 апр.

«Ленин в Октябре» (20) «Продюсер»
«Ленин в 1918 году» (20) «Продюсер»
«Ленин в Октябре» (20) «Продюсер»
«Ленин в 1918 году» (20) «Продюсер»